

HAMAYON ROBERTE. LA CHASSE À L'ÂME: ESQUISSE D'UNE THÉORIE DU CHAMANISME SIBÉRIEN. P., 1990. 880 P.¹

«Что за сбивающий с толку феномен — шаманизм? Явно религиозный, но не имеющий ни догмы, ни духовенства, ни литургии, у каждого шамана иной. Явление это архаичное, но постоянно возрождающееся, подверженное различным влияниям и приспособляющееся к ним. Мэтр искусства обольщения и уговоров, шаман открывает человеку путь для реализации своего жизненного шанса. Это постоянно действующее, но скрытое от глаз прибежище, к которому обращаются всякий раз во время кризисных ситуаций, ибо вместо того, чтобы побудить покориться трансцендентным инстанциям, шаман предложит вести бесконечные переговоры с потусторонним партнером...». Такими словами начинается своя книга «Охота за душой» Роберта Амайон — известная исследовательница мировоззрения народов Центральной Азии, Севера, Сибири, основательница Центра монголоведческих исследований (1969 г.), глава лаборатории сравнительной этнологии и социологии при Парижском университете, обладательница многих научных регалий. Книга имеет подзаголовок: «Очерки по теории сибирского шаманизма».

Автор возложил на себя выполнение двойной задачи: во-первых, представить традиционное бурятское общество в свете шаманизма — системы, всесторонне организующей его жизнь и мышление; во-вторых, не ограничиваясь бурятским материалом, раздвинуть культурно-исторические рамки исследования и высказать свои соображения по шаманизму более общего характера. Таким образом, книга рассчитана на восприятие широкими кругами специалистов. Данная рецензия является откликом на те общие соображения и подходы к шаманизму, которые, с моей точки зрения, заслуживают того, чтобы познакомить с ними заинтересованных читателей. Поэтому, по крайней мере, вторая цель автора может считаться достигнутой.

Сразу хочу подчеркнуть, что это не рецензия в общепринятом смысле слова. Цель моих кратких заметок — привлечь внимание на выход научного произведения, которое является крупным событием, но в то же время, по некоторым наблюдениям, может пройти незамеченным даже для специалистов-монголоведов. Возможно, причиной этого является необычно большой по нынешним временам объем (в книге 880 страниц!), а также громадный материал, которым автор оперирует. Основу книги составляют материалы по этнологии и фольклору бурят и монголов, но широко привлекаются также материалы по этнологии соседних народов Сибири, особенно занимающихся охотой: эвенков, алтайцев, якутов, селькупов, нганасан, чукчей, кетов, тувинцев и др. Не последней причиной, препятствующей знакомству с этим незаурядным исследованием, является элементарный языковой барьер: книга очень не просто написана, автору присуще опреде-

---

¹ Впервые опубликовано в: ЭО. 1994. № 3. С. 171–173.

ленное литературное мастерство, использование особых стилистических приемов, как бы ближе всего передающих непростую логику связей в традиционном мировоззрении. Между тем, книга Р. Амайон важна не только для монголоведческих и сибироведческих штудий, она интересна и тем, кто занимается проблемами религии, шаманизма, культуры в целом, в широком сравнительно-историческом аспекте. Это и побудило меня дать информацию о некоторых узловых моментах книги, сведя к минимуму комментарии к ним.

Издание состоит из четырех частей и 13 глав, каждая из которых делится на параграфы. Имеются также введение, заключение, тематический указатель, глоссарий и подробнейшие примечания к главам, которые вполне могут быть предметом самостоятельного чтения.

Композиция книги строгая: части, главы, параграфы последовательно связаны между собой, как бы перетекают друг в друга, иногда настолько, что конец одной главы или параграфа является завершением одной темы и одновременно началом другой, имея при этом соответствующее словесное оформление — название начинается в одном параграфе, а заканчивается в другом. Спаянность различных частей исследования не только поддерживает неослабевающий интерес к этому далеко не легкому чтению, но создает также эффект сопричастности к творческой лаборатории автора, заставляет напряженно следить за развитием авторской логики, за раскрытием механизма взаимодействия триады «природа — общество — мир сверхъестественного», чему в широком смысле слова посвящена эта книга. Не совсем обычный язык повествования, нередко приближающийся к поэтике объекта, о котором идет речь, проявляется в названиях некоторых параграфов или глав, эпических сюжетов, если говорить об эпохе («Приглашение в лес», «Мир дуэли, мир мести» и т.п.), или символических названий (например, «Любовный круговорот между миром человека и миром сверхъестественного»). Особенно это относится к шаманизму, так как одним из важных исходных пунктов в подходе к шаманизму является взгляд на него как на особый образ организованную символическую систему. Особенности авторского стиля в целом усиливают впечатление от символической природы исследуемых объектов, а читатель порой воспринимает объекты, подвергнувшиеся исследованию, и их интерпретацию автором в единой стилистической тональности. Естественно, что в кратком сообщении, представляющем лишь своего рода экстракт ярко и сочно написанной книги, содержание ее будет несколько обеднено.

Во введении «Проблемы шаманизма» Р. Амайон дает обзор «сложившихся к настоящему времени направлений в изучении этого явления. С ее точки зрения, взгляды на шаманизм как на явление, относящееся к области психопатологии, терапевтическому культу, техники экстаза и общения со сверхъестественным и др., — это уже прошлое. Как бы ни определять шаманизм, как бы ни сводить его к виду архаичной религии, способной к постоянному возрождению и адаптации, или к способу медитации, шаман, по мнению автора, неизменно выполняет ожидаемые от него функции, всегда

сохраняя при этом свою индивидуальность. Р. Амайон считает необходимым показать — и это одна из важных задач ее книги — что в основе шаманской деятельности лежит специфическая концепция отношений между человеком, окружающим миром и обществом, что шаманизм — это особым образом организованная система мышления, какие бы парадоксальные формы она ни принимала. «Узел парадокса» — даже так назвала исследовательница одну из глав. Наиболее приемлемой позицией ей представляется выявление структурных связей шаманизма с системой брачных и родственных связей в обществе и их символическое истолкование. Отмечу, однако, что в действительности Р. Амайон не отвергает целиком сложившиеся подходы к шаманизму, наоборот, каждый из них находит свое место в предложенной ею концепции и получает соответствующее объяснение с точки зрения этой концепции. Но об этом несколько позже.

Уже в самом начале своей книги Р. Амайон высказывает свой взгляд на шаманизм как на символическую систему, родившуюся в недрах общества охотников, действующую в рамках обмена в широком его понимании, оказывающую свое эффективное воздействие на личность и сохраняющую свою специфику, отличную от иных символических систем. Этот лишь предварительный взгляд на шаманизм, который будет развиваться на протяжении всего исследования, наполняться конкретными фактами из жизни народов Сибири и Монголии, в заключении выльется в развернутое определение, суть которого, тем не менее, остается той же: «Шаманизм — это символическая система, основанная на дуалистическом миропонимании. Основа этой системы в том, что человечество управляет природными явлениями, от которых зависит его жизнь, поддерживая брачные связи и отношения обмена между обществом и существами из мира сверхъестественного. Шаман ответственен за систему брака в обмене со сверхъестественным миром, выступая как партнер и проявляя со своей стороны искусство, отмеченное его индивидуальностью. Функция регулятора обеспечивает ему центральное место в обществе и придает всеобщий характер его деятельности. Общества такого типа называют шаманистскими» (с. 738, 739).

Первая часть книги носит название «Общество». Она состоит из двух глав «Источники» и «Земля, ее история, люди». Одна из основных идей книги — дуализм миров и дуальная организация общества. Что касается собственно земли, на которой обитают буряты, то сам ее ландшафт как бы предопределяет появление представления о двух мирах, так как состоит из тайги и степи. Степной пейзаж чередуется с гористой местностью, что в целом воплощает единство и противоположность вертикального и горизонтального миров. Такие же единство и противоположность по горизонтали и вертикали будут продемонстрированы в третьей и четвертой частях книги, посвященных брачным и родственным связям. Историческое разделение бурят на степных и таежных, их разные исторические судьбы (влияние христианства и русификация — у таежных, преобладающее влияние ламанизма у степных бурят) навело автора на мысль, что шаманизм, какое бы маргинальное положение он ни занимал в настоящее время, является чуть

ли не единственным показателем этнической тождественности бурят. Напомню, что бурятское общество составляет главный интерес автора, и ее книга построена, прежде всего, на материалах, касающихся бурят. В самом же бурятском этносе исследовательницу более всего занимает племя эхирит-булагатов, сочетающих охотничий и скотоводческий типы хозяйства.

В книге представлены архивные данные, научная литература, полевые материалы автора — участника многих этнографических экспедиций в Бурятии и Монголии. В небольшом источниковедческом очерке выделены произведения бурятских просветителей, благодаря усилиям которых во многом стали известны эпические сказания бурят. Р. Амайон подчеркивает, что именно обращение к эпическому творчеству бурят сыграло решающую роль в становлении нового подхода к шаманизму, так как помогло установить внутренние связи между, казалось бы, разрозненными фактами и увидеть в отношениях между охотничьим типом хозяйства, брачными нормами и шаманизмом нечто большее, чем просто структурное сходство. Внимание автора направлено на выявление глубинных законов, по которым строятся и действуют эти отношения. Без большого преувеличения можно сказать, что тема «эпическое творчество и шаманизм» занимает основное место в книге «Охота за душой»: ей, в сущности, посвящены три большие части — «Эпические модели», «Логика брачного союза», «Логика родственных связей».

Во второй части книги — «Эпические модели» — тщательно исследуются сюжеты «Гесера» и других эпических сказаний, прежде всего у бурятских племен эхиритов и булагатов, сохранивших, по мнению исследовательницы, как наиболее архаичный тип эпоса, восходящий к охотничьему обществу, так и эпические произведения более позднего происхождения, явно связанные со скотоводческим и пастушеским способами ведения хозяйства. Основными сюжетами того и другого эпоса являются истории брачных союзов, но в первом, называемом по критерию родства «сестринским», характерным сюжетом является добывание мужа (зятя), во втором, называемом согласно тому же критерию «отцовским», главное место занимает сюжет отцовского отмщения. При этом сюжет поисков мужа (зятя) сохраняется. Одна из функций эпоса в обществе состоит в том, чтобы демонстрировать идеальную модель поведения, являющуюся гарантом сохранения мирового порядка. Исследуя эпические модели, Р. Амайон приходит к выводу, что тип отношений предпочтительный в обществе, проецируется и на отношения человека и природы, а также человека и сверхъестественного мира. В герое охотничьего эпического сказания, воплощающем разные, порой прямо противоположные черты, уместно видеть охотника и зятя, а в духах, способствующих удачной охоте, — тестя (родственника жены), в охотничьей добыче — невесту и т.д. Если эти аналогии распространить на шамана, то в его образе можно увидеть и охотника, и зятя в мире сверхъестественного. Согласно эпической логике, хотя в эпосе прямо об этом и не говорится, шаман должен «жениться» для того, чтобы иметь возможность приступить к своей деятельности, понимаемой как своего рода охота. В ми-

ре сверхъестественного он является воплощением зятя и охотника за душой — символом охотничьей добычи. Серия аналогий и параллелей между эпическим героем и охотником, для которого предназначено исполнение эпоса, между матримониальными мотивами — стержневыми в эпосе — и подготовкой к охоте позволяет рассматривать отношения охотника к природе в терминах матримониального союза. Иными словами, автор предлагает некую унифицированную концепцию, иногда называя ее гипотезой, согласно которой социальные, экономические и религиозные отношения в обоих мирах освещаются с точки зрения брачных связей. Так, исследуя эпическое творчество под определенным углом зрения, Р. Амайон заключает этим выводом вторую часть книги и переходит к конкретному анализу брачных и родственных связей, которым соответственно посвящены третья и четвертая часть — «Логика брачного союза» и «Логика родственных связей».

По тем же законам, по которым заключаются браки в обществе, совершается и символический брак шамана с духом женского пола. При этом всегда надо иметь в виду, что шаман — символ охотника, а дух — символ охотничьей добычи. В мире сверхъестественного складывается та же сеть отношений, что и в реальном мире, те и другие как бы усиливают, укрепляют и помогают лучше понять друг друга или, по выражению автора, увеличивается их ценность более чем в одной области и более чем в одном регистре. Уместно напомнить здесь, что исследовательница не отказывается от многих укоренившихся представлений о шамане, которые и до сих пор вызывают дискуссии. Она подробно не обсуждает спорные вопросы, а показывает, что в предлагаемой ею концепции они могут занять свое место и получить соответствующее толкование. Нет необходимости, например, вдаваться в особенности психической организации или физических недостатков шамана, которыми пытались объяснить его поведение во время камлания. Надо иметь в виду, что шаман приспособливается к своей супруге, имеющей животный облик, но по своей сущности являющейся духом. Тогда понятнее становятся и его повадки животного, и его костюм и головной убор, и все особенности его ритуального поведения, которое достигает своей кульминации в так называемых безумных выкриках, в нарочитой демонстрации некой дикости. С точки зрения любовных отношений с существом из сверхъестественного мира, выступающим в образе животного, следует объяснять некоторые черты его ритуального поведения, обычно воспринимаемые как эротические или истерические.

Традиции эпических сказаний общества охотничьего типа сохраняются и в эпических произведениях общества скотоводов, но к ним добавляются традиции, рожденные новыми отношениями, конкретно-родственными связями или связями по филиации. О них идет речь в последней, четвертой части книги, где подробно показано, каким образом к существующим брачным связям по горизонтали присоединяются и приобретают большее значение родственные связи по вертикали, т.е. связи с предками, основателями рода, поддерживающими ныне живущих, придающими им жизненную

силу. И если согласно матримониальной логике организуется система отношений с миром иных существ в пространстве, то согласно логике филиальных связей организуется система связей с себе подобными по вертикали.

Символы, аналогии, метафоры — ими насыщена вся книга, по ним строятся отношения в мире реальном и мире сверхъестественном. Существа из мира природы, общества и мира сверхъестественного, уподобляются друг другу, ассоциируются, замещают друг друга. В постоянном обмене, циркуляции между реальным и метафорическим функционирует и система шаманизма. В свете этого само название книги Р. Амайон — «Охота за душой» — следует понимать как развернутую метафору с множеством значений, подразумевающих реальную охоту и удачный брачный союз, реальную невесту и охотничью добычу, символический брак шамана и нематериальную субстанцию сверхъестественного мира — душу и «жену», добыв которую шаман может исполнять свои функции. «Охота за душой», таким образом, символизирует в целом шаманское действие, шаманизм — глобальную систему, пронизывающую всю жизнь традиционного бурятского общества, так же как и других народов Сибири, Монголии.

Таковы в сжатом, конспективном и, по необходимости, упрощенном виде основные идеи книги Р. Амайон «Охота за душой». Специалисты по этнологии и эпическому творчеству монгольских и сибирских народов найдут в ней обширный конкретный материал с оригинальной интерпретацией многих известных фактов, в том числе почерпнутых из трудов отечественных ученых. Эта книга, по моему мнению, интересна, прежде всего, новым освещением в большинстве своем известного материала. В ней, конечно, немало и новых фактов, в частности, полевых данных, но они растворяются в общей массе громадного по масштабу и разнообразию материала, которым автор оперирует. Способность методично и целенаправленно организовать множество фактов таким образом, чтобы они, не теряя своей оригинальности, убедительно подтверждали предложенную концепцию, мне кажется особенно ценной в книге. Сейчас стало почти общим местом говорить о системном подходе к изучению явлений, в том числе и в изучении шаманизма, но мало кому удается показать его в действии. Автору книги «Охота за душой» это удалось. Тем самым определен новый уровень шаманистических исследований. Существуют, с моей точки зрения, ряд исследований по духовному творчеству, в том числе и по шаманизму, которые по глубине вживания в материал и силе обобщения остаются высочайшими образцами взлета научной мысли, неподвластными времени. Таковыми для меня являются, например, книги С. М. Широкогорова, В. Г. Богораза, В. Я. Проппа. В этот же ряд я бы поставила и поистине фундаментальное исследование Р. Амайон «Охота за душой».